

В юбилейный, 25-й год существования музея-заповедника «Родина В.И. Ленина» сотрудники его научно-исследовательского отдела готовят к изданию книгу-альбом «Прогулки по Московской». Улица Московская, она же улица Ленина, – одна из самых старых, самых центральных и узнаваемых магистралей нашего города, потому что продолжает сохранять свою историческую «физиономию». Это происходит благодаря музею-заповеднику, усилиями его администрации, трудами и стараниями его работников.

«Прогулки по Московской» возникли из желания интересно рассказать о том, что кажется хрестоматийно известным и оттого до изжоги скучным. Из желания необычно показать привычное, растерявшее в силу привычки сочность и яркость красок. Из желания почувствовать себя туристом в собственном городе. Городе любимом и невероятно прекрасном.

В этом номере журнала мы хотим представить материалы к создаваемой книге. Погулять по Московской улице, рассказать о её старинных домах и о когда-то (не так давно!) живших в них людях, таких же интересных, прекрасных и грешных, как и мы с вами.

Прогулки по Московской

Приют литератора

Улица Ленина, бывшая Московская, дом за номером 66. В позапрошлом веке здесь, как правило, квартировали симбирские чиновники средней руки – и среди прочих, Николай Александрович Мандрыкин, чиновник особых поручений при Симбирском губернаторе. По должности господин Мандрыкин приглядывал за всей печатью и литературным процессом в губернии. А по призванию, сильному и своеобразному, Николай Александрович сам писал.

От совмещения ремесла и призвания писалась сатира.

«От нечего делать» многое делается на свете: от нечего делать лежат на кровати и плюют в потолок. А иной, взяв кусок мякиша от хлеба, усердно мнёт его между пальцами до тех пор, пока не приведёт эту массу в тестообразное состояние.

– Что это вы делаете? – спрашиваем.

– Шарышек скатываю, – отвечают.

– Для какой надобности?

– Так... от нечего делать...

От нечего делать ходят по панелям улиц, что в русском переводе означает: «продавать слонов». От нечего делать посещают театры, клубы, публичные сады, бульвары и даже церкви; я знавал некоторых, что от нечего делать читают. А есть даже и

такие, что от нечего делать женятся. А какая масса людей, которые «от нечего делать» ловят мух по летам, а зимою ковыряют в носу.

Помню я секретаря, блаженной памяти уже усопшего «Уездного суда» – Пафнутия Ермолаича Хапова, который постоянно занимался, сидя даже на своём секретарском стуле, вытаскиванием козуль из своего корявого носа; так что однажды судья, в ожидании губернаторской ревизии, заметил ему:

– Вы, Пафнутий Ермолаич, так всегда усердно ковыряете у себя в носу, что я сильно побаиваюсь, как бы вы не увлеклись этим занятием и во время губернаторской ревизии!..

– Что вы-с?! Как возможно-с?! – воскликнул Пафнутий Ермолаич, вскакивая со стула, – разве в то время до носа будет?! Ведь этим я занимаюсь так себе... иногда... а больше – «от нечего делать»...

«Он в своё время был заметной величиной не только на сереньком, бесцветном небосклоне нашего города, но и во всём Поволжье, как даровитый литератор, печатавшийся почти во всех поволжских газетах.

Весёлый, остроумный, крайне добрый и отзывчивый на всё хорошее, Николай Александрович производил на всех, кто сталкивался с ним в жизни чарующее, незабываемое на всю

жизнь впечатление», – писал один из мемуаристов.

Чиновник Мандрыкин соседил, прямо через забор, с другим чиновником, директором народных училищ, статским генералом Ильёй Николаевичем Ульяновым. Подобно знаменитому в истории сыну последнего, Владимиру, студент Николай Мандрыкин был изгнан за беспорядки из Казанского университета и надолго угодил в категорию «неблагонадёжных».

Двадцатилетним юношей, в 1862 году, он поступил в частное пароходное общество «Самолёт». Без малого шесть лет ходил Николай на окрашенных в фирменный розовый цвет «самолётских» пароходах по матушке Волге. Путешествия эти подарили будущему писателю массу живых наблюдений и впечатлений. Из походной юности вынес литератор хорошее чувство «ценить в людях, прежде всего, доброе сердце и снисходительно относиться к их слабостям».

Другим, увы, не самым приятным «благоприобретением» кочевой жизни, стало усиливавшееся с годами, как выражались во веки оны, «пристрастие к синему кувшинчику», или к «зелёному змию», как сказали бы теперь.

Кое-как родня добилась снисхождения для опального студента. В начале 1869 года Николай Мандрыкин

поступил на службу в Симбирский губернский статистический комитет. В 1874 году недавно назначенный губернатор Николай Павлович Долгово-Сабуров предложил ему место чиновника особых поручений при собственной персоне и редактирование официальных «Симбирских губернских ведомостей».

В 1878 году, в «Казанском литературном сборнике в пользу голодающих крестьян Казанской губернии», был напечатан первый рассказ Николая Александровича — «Курослепов». «В нём на чарующем фоне царицы-реки автор описывает интересную встречу с резчиком-рыболовом Василием Андреевичем Курослеповым... Рассказ начинается описанием чудесной волжской природы, затем следует удачно написанный портрет рыбака, печалующегося на свою только что минувшую долю крепостного человека. В рассказе показана почти тургеневская кисть художника-пейзажиста, и святая Некрасовская скорбь о чело-

веке-рабе, и чарующая грусть автора, брата человеческого всем угнетённым и оскорблённым страшным жизненным режимом нечеловеческого крепостного состояния», — выписывали критики.

А вот ещё эпизод рассказа:

«В одном из номеров уездного города Ч., сомнительной чистоты, на кушетке работы местного «Гампса» по фамилии Тита Еремеева, лежит армейский офицер из «молодых»; в походных сапогах и вышитой сорочке, закинув руки к затылку. В номере могильная тишина; только где-то наверху у потолка слабо жужжит муха. Наконец офицер вздыхает на весь номер — и как-то решительно протягивается.

— Это чорт знает что такое! — восклицает он сам с собою. — Вот тоска-то!

Хоть опрокидонт бы совершить, от нечего делать!

Коленкин! — орёт он своим звучным баритоном, не стесняясь, на все номера, — Коленкин! распросу...

На крик влетает в номера, как ветер, денщик, на ходу застёгивая пуговицы мундира.

— Водки!

— Водки не имеется, ваше бродье.

— Как это так не имеется?

— Так точно, ваше бродье, не имеется. Вчерашним вечером, штабс-капитан Зубовёртов последнюю допить изволили.

— Достать! — отдаётся приказание, не допускающее возражений.

— Слушаю, ваше бродье, — отвечает денщик и исчезает.

Через четверть часа на столе у офицера стояла бутылка водки и тарелка с ломтём чёрного хлеба, круто посоленного поваренною солью. А через полчаса подпоручик Штыркин, несколько развязнее обыкновенного, выходил из своего №, заломив по-гусарски фуражку набекрень.

— Если пришлют из роты, — говорил он Коленкину, — скажи, что их благородие пошли-де пройтись, от нечего делать... Понял?

— Так точно, ваше бродье, понял, — отвечал Коленкин, оправляя хлястик у пальто на своём барине.

Штыркин, идя по лестнице, беззаботно насвистывал «Стрелочка».

— Ваше бродье! забыл! — заговорил Коленкин, догнав Штыркина на половине лестницы. — Доложить замятовал, ваше бродье, — от портного приходили за ден...

— Ну?

— Как прикажете, если сызнава...

— В шие!..».

Все вечная тоска и незамысловатый, не тверёзый выход из неё опрокинули Николая Александровича. Он скончался в 1894 году, всего 52 лет от роду. «Его знали и любили — как за его загубленную жизнью дарование, так и за его не гибнущую ни под какими ударами судьбы светлую душу»...

Симбирская пленница

«В обыденной жизни словом «полиция» обозначают исполнительный полицейский персонал (наружную полицию) и полицейские учреждения, охраняющие жизнь, здоровье, имущество, общественный порядок и публичную безопасность», — такое определение давал авторитетнейший дореволюционный словарь Брокгауза-Эфрона.

1-я полицейская часть была именно таким учреждением. Полиция — это сплетение человеческих судеб, человеческих драм и трагикомедий; ведь от великого до смешного единственный шаг!..

До сих пор на Кавказе практикуется старинный обычай — кража невест.

До сих пор россияне с удовольствием смотрят фильм «Кавказская пленница», посвящённый комедийному освящению этого обычая. Кстати, когда-то, в полуторавековую старину, невест

Здесь располагалась
1-я полицейская часть

крали не только в кавказских горах, но и на симбирских равнинах, среди татар, населявших нашу губернию.

Традиционный суровый семейный уклад и высокий калым становились внушительными преградами в достижении рук и сердец. Но всепобеждающая сила любви придавала решимости нашим «джигитам».

И не только нашим. Красть прекрасных симбирянок приезжали, вкуче с кунаками, влюблённые джигиты из соседних районов, регионов и губерний!..

Поздней осенью 1877 года в Симбирске, в доме на Московской улице (ныне Ленина), у потомственного почётного гражданина, известного половине России «суконного короля», Хасана Сулеймановича Акчурина гостил 23-летний отпрыск его компаньона, пензенский 1-й гильдии купеческий сын Абдулла Богданов. Юный купчик, по мнению потомства, должен был прожигать жизнь, колотить посуду и знатных собутыльников. Но воспитанный в традиционной семье юноша был сдержан и скромнен, несмотря на свой общественный статус. До тех пор, пока молодой человек не пленился сестрой хозяйки, пугливо скромной 17-летней потомственной почётной гражданкой Махруй Абдрашитовой Юнусовой. Сказать о своих чувствах барышне? – Это не принято и осуждается дедовским обычаем. Просить её руки? – Но у кого? Молодой Абдулла трепетал от одного вида важного Хасана Сулеймановича, и даже именовал его «Вашим Сиятельством», как настоящего князя!..

А между тем приближался тягостный час отъезда в Пензу. И тогда Абдулла Богданов решил, что похитит юную красавицу Махруй. В планы были посвящены сопровождавшие его пензенские родственники. Оставшиеся безмянными для истории, «толстый» и «высокий» татары сыграли роль кунаков влюблённого джигита.

Вечером 20 ноября 1877 года джигит с родственниками сопроводили в театр жену Хасана Сулеймановича, Фехри-Бану Абдрашитовну, его сестру Айшу и Махруй. Абдулла не видел, что происходило на сцене. Он в волнении ждал окончания спектакля. В девятом часу, на выходе из театра, кунаки сумели ловко отвлечь родственниц, и Абдулла с Махруй оказались на вечерней улице лицом к лицу.

«Симбирская пленница» так излагала происшедшее: «Ко мне подошёл Абдулла Богданов и сказал: «я Вас давно люблю!». Я очень испугалась и хотела бежать, но он схватил меня и зажал мне рот рукою, я вырвалась и села в какой-то извозчик. Богданов сел ко мне, я соскочила и села на другого извозчика, он тоже за мною. Тогда я бросилась к ближайшему дому и схватилась за ручку двери, кажется.

Здание
Симбирского
театра

Богданов прибежал за мною и стал около меня, тут уже был толстый татарин, а высокий, который был с ними, отстал от нас, его не было. Богданов меня не тащил и не говорил, что увозит куда-либо, только несколько раз целовал в лица, держал меня, а я вырывалась, но не могла вырваться; когда прибежала Айша Сулеймановна, я хотела бежать к ней, но не могла, не стало сил.

Помню, как привезли меня домой, но что было после не помню, кажется, помню, что был доктор Покровский, впрочем не знаю, очень испугалась. Когда я держалась за ручку двери, близ театра, то меня тащил к себе Богданов, но я не выпустила двери; я не слыхала, чтобы он кричал извозчика, не помню хорошо, что и делалось, я очень испугалась. С чужим мужчиной мы ведь не можем и говорить, и с ним раньше не говорила и знакома не была; о сватовстве и речи не было, он не сватался.

Срочно вызванный врач Иван Сидорович Покровский (тот самый, что пользовал семью Ульяновых) констатировал, что барышня находится в истерическом состоянии, и не подвергалась насилью.

А родственницы тем временем кликнули городских, которые скрутили незадачливого пензенского джигита и спровадили его в первую полицейскую часть. Скромник и первогильдеец Богданов очутился среди нетрезвых мещан, крестьян-дебоширов и мелких воришек в затхлой «кутузке». «Мобильников» ещё не успели изобрести, но симбирские стражи порядка не отказали пензяку в клочке бумаги, чтобы написать записочку к всемогущему Хасану Сулеймановичу. Прыгающий почерк и обилие ошибок вполне выда-

ют смятенное состояние похитителя: «Ваша Сиятельству! прашу вас ради буга выручить Миня с полиций».

Какая-то полусотня метров отделяла от полиции жильё суконного фабриканта. Но нелицеприятный Хасан Сулейманович выдержал эффектную паузу, прежде чем ровно в полночь самолично не явился на «выручку» к незадачливому похитителю невест. Через неделю купеческий сын Богданов стал мужем Махруй Юнусовой, вполне официально, с благословения родни.

Получается, не зря, таки, крал себе невесту!..

Эксцентричный Карпов

Двухэтажный деревянный особнячок по улице Ленина, 53. Справочная литература сообщает, что этот дом по Московской улице был возведён в 1905–1906 годах домовладельцем дворянином А.Н. Карповым.

«Вечером 31 января 1910 года в подъезд дома А.Н. Карпова по Московской улице подкинут ребёнок мужского пола, около недели от рождения. Ребёнок взят дворянином Александром Николаевичем Карповым на воспитание. Дознание производится», – сообщал губернатору в рапорте о происшествиях по городу симбирский полицмейстер Василий Асафович Пифиев.

Для полицмейстера происшествие на Московской улице имело характер семейный. 29-летний домовладелец приходился зятем грозному начальнику симбирской полиции.

Правда, в отличие от выслужившегося тестя-«поповича», родовитый зять вёл свой род от самого легендарного первоправителя Руси, варяжского князя Рюрика. А варягов, или викингов, как известно из истории, отличала драчливость и буйство нравов. Александр Николаевич был вполне достоин памяти своего великого пращура: великодушен, щедр, хлебосолен и весьма эксцентричен во внешних проявлениях и поступках.

На простонародный манер Рюрикович щеголял картузом, поддёвкой и смазными сапогами. Александр Николаевич обильно сдабривал свой лексикон просторечиями. Рассказывали, что бывавший в Симбирске писатель граф Алексей Николаевич Толстой вывел помещика и домовладельца Карпова в виде главного героя своей повести «Хромой барин», персонажа с широкой

и мятушейся душой, запутавшегося в жизни и личных переживаниях...

Кажется, уже давно хрестоматийным сделался рассказ о том, как однажды, гуляя с компанией приятелей в городском Владимирском саду, помещик Карпов вдруг вызвал по телефону из лучшей в городе похоронной конторы Мызникова лучший в городе катафалк с роскошным гробом. Катафалк подъехал к саду, «заказчик» погрузился в гроб, имея вместо свечи в руках бутылку с шампанским, его приятели расселись по пролёткам.

И вот – «траурная процессия» принялась колесить по центральным улицам города! Богомольные старушки крестились, видя «покойника», а тот время от времени вскакивал, отхлёбывал вина из бутылки и валился обратно. Перепуганные женщины (да и мужчины, пожалуй!) едва не падали в обморок, а катафалк катил себе дальше. Катание длилось едва ли не час, прежде чем полиция решила – таки задержать расшалившегося полицмейстера зятя. Историю, которая могла потянуть на серьёзное обвинение в богохульстве, удалось замять.

Александр Николаевич, несмотря на древний свой род, очень недолголюбивал всё остальное симбирское дворянство. Когда-то дворяне не выбрали в уездные дворянские предводители его папашу. За это А.Н. Карпов никогда не упускал случая «насолить» собратьям по сословию.

Вот что рассказывали очевидцы: «Однажды помещик Карпов узнал, что дворяне собираются праздновать

по какому-то случаю и заказали в ресторане «Россия», в Симбирске, хороший обед. Обед был уже готов, и Карпов спросил, сколько стоит обед для дворян. Хозяйка ресторана назвала сумму, а Карпов предложил сумму в два раза большую: «Только, пожалуйста, вылейте его в овраг!». Хозяйка согласилась и вылила обед, дворяне остались без обеда, а помещик злорадствовал».

В другой раз, осенью, в непогоду и проливной дождь дворяне собрались в театре на какое-то торжество. Извозчики ждали дворян, а помещик Карпов опять потешался, когда извозчикам дал двойную цену и отправил их на Северный выгон, за городскую окраину. Дворянам в ботиночках и туфельках пришлось шлёпать обратно под дождём пешком по грязи.

Потом помещик Карпов решил отпороть всех жандармов в Симбирске. Он говорил своему кучеру: «Степан, отпори вон того, мордастого, плёткой по морде». Степан подъезжал к жандарму и хлестал его плёткой по лицу. Жандарм свистел и вынимал револьвер.

А Карпов совал жандарму купюру в 25 рублей и говорил: «Ты извини, пожалуйста, он у меня дурак!».

В общем, уважаемому полицмейстеру частенько приходилось краснеть за родовитого зятя. Но в самом же деле, не засадишь родную душу в «кутузку»!.. Тем более, душу высокую и мятушуюся.

Иван Сиволяс
Фото Сергея Ойкина